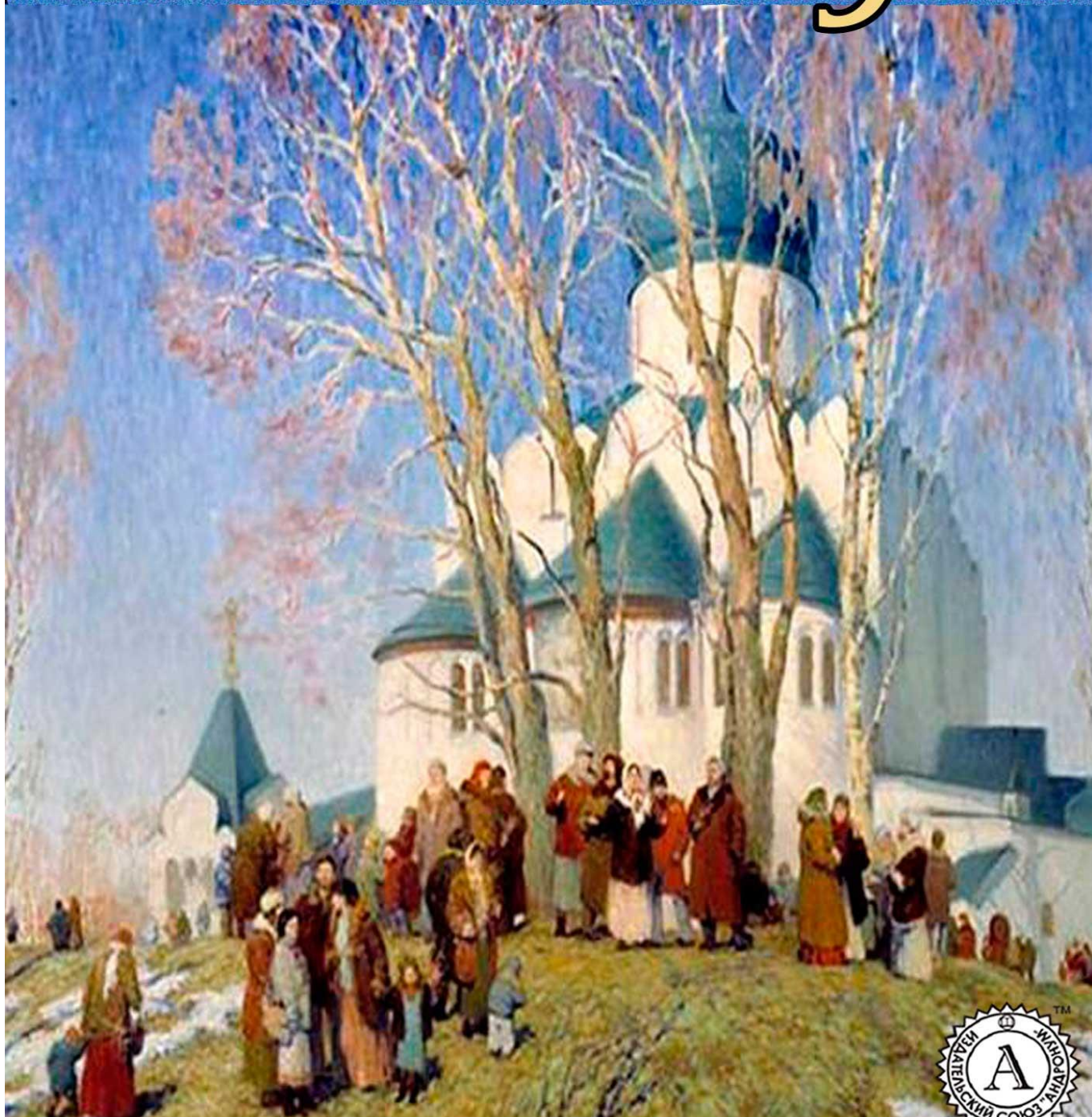

Зинаида Гиппиус

Ветер и Бор

«Земля и Бог» — рассказ, принадлежащий перу русской писательницы и поэта Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945).

Анна Митрофановна готова пожертвовать все свои сбережения на спасение Петра, оказавшегося в одиночестве в незнакомом ему городе и едва сводящего концы с концами.

Другими известными произведениями писательницы являются «Простая жизнь», «Голубое небо», «Месть», «Легенда», «Цыганка» и «Ближе к природе».

Зинаида Николаевна Гиппиус — одна из ярчайших представительниц Серебряного века русской поэзии и идеолог русского символизма.

Зинаида Гиппиус Земля и Бог

Анюта, девушка графини Услищевой, столкнулась с земляком.

Так это странно вышло. Еще зимой. Водила перед вечером Бобку гулять, уж хотела домой завернуть: «Домой, Бобка, домой!» — тут земляк и подвернулся:

— Позвольте вас спросить... вы, значит, нездешние будете? Анюта даже вздрогнула. Вдруг, сразу, на улице, по-русски заговорил. Кто такой? Не господин; одежда на нем худая, рабочий не рабочий, а так.

— Тамбовская я, — пролепетала Анюта, застигнутая врасплох.

Ну, он тут и вскинулся:

— А уезда какого? Мы ведь тоже тамбовские, надо же, дело вышло, удача, можно сказать!

Дальше — больше, и не то что уезд, а оказалось, что Петр Сидоров из села Рышниково, которое от Анютиной деревни и от усадьбы графини всего в трех верстах. Сосчитались: свои люди, да и только.

— Я с весны к графине взята, а к Покрову с ней сюда, в заграницу, и поехала, — говорила Анюта радостно. — Да скучно очень. Пишем из деревни не шлют. Графине управляющий пишет... А вы-то как здесь?

— Я-то... Я доле... Я уж вот с того, значит, июня тут путаюсь... Очень уж приятно было встретиться... Так не пишут вам, как там, что?..

Анюта вдруг вспыхнула и съежилась. Вспомнила разные дела и толки еще там, в деревне, и здесь кое-что слышала, хоть мало. Испугалась.

— Да вы как же, если из нашего села? Были там у нас, забрали их... А кто, говорят, уехали...

— Мне, извините, партия помогла скрыться, — сказал Петр. — Потому что я сознательный.

— Ах ты, Господи! Худые дела, значит, за вами водились?

— Никаких худых делов, кроме хороших, не было, — сказал опять Петр внушительно. — Серые мужики бунтовали, а мы сряду в партию. С тем и ушли.

Анюта не понимала и не стала бы с ним, пожалуй, разговаривать, да уж очень как-то тепло ей сделалось, ихний мужик из Рышкова стоит посреди чужой улицы, свой, и говорит на своем языке. И глаза у него такие добрые, лицо исхудалое. Сам, видно, рад.

Рассказал, что бедствует. Нынче есть работа — завтра опять гонят. Так перебивается. В ночлежке спит.

Хотела Анюта сказать, чтоб он к ним на кухню зашел, графиня добрая, — да вдруг вспомнилось, как графиня их, эдаких, боится... Лучше не надо. Прогонит.

После того они часто стали встречаться. Как нет у него работы — так уж он на углу маячит, Анюту дожидается.

Она ему иной раз хлеб носила. Страсть что на кухне остается. О делах его не спрашивала, а все больше они о деревне говорили, родных-знакомых вспоминали.

Раз, впрочем, Анюта сказала:

— Вот вы говорите — партия, люди, что ли, такие, вам помощники, а где ж они, там, что ли, остались? Теперь же вам на чужой стороне одному без хлеба...

Петр насупился.

— Это вы, Анна Митрофановна, понять не можете. А я очень хорошо понимаю. Был я, значит, крестьянин, ну для партии, конечно, интерес... А теперь я что? Живу в парижской столице без пропитания. Вообще, мало ли таких? Пролетарий не пролетарий, словом — эмигрант. Партия мне всегда помочь согласна, однако, она не может же всем. И такой партии эмигрантской даже вовсе не существует. Есть касса. Ну она тоже бедная. Три франка мне на той неделе выдала.

Анюта вздохнула и соглашалась:

— Да что ж, я этого понять не могу...

Только очень жалко ей было, и сердце к нему странно как-то рвалось.

Они гуляли по маленьким, каменным, чистым и холодным улочкам. Иногда она провожала его через мост, и они вместе шли по шумному бульвару. Чуждо было до уныния.

Вспыхивали огни магазинов, все ехало, шло, визжало, пыхтело, переваливалось, толкалось, скрипело, звенело, колыхалось, переливалось... двигалось, не двигаясь, точно заводная игрушка бегала по кругу.

— Суетня-то, Господи, — вздыхала Анюта.

Петр пожимал плечами.

— Известно, столица. Я в Петербурге извозчиком три месяца ездил раз... Ну, тоже...

— Нет, здесь люди все какие-то куцые. Я с графиней тоже в Петербурге была. Не люблю я этого.

— Конечно. Если кто не привыкши, а к своему делу дома приставлен.

Анюта спешила домой. Чужой город не занимал и не соблазнял ее. Вот только и есть в нем, что этот свой человек, со своей стороны.

Раз, перед вечером, уже к весне, сошлись они у одного садового мостика. И Петр сказал ей:
— Кабы мне теперь домой вернуться, я бы вас за себя взял, Анна Митрофановна. Пошли бы?
Она вся покраснелась.

— Я к деревенской работе привычная. У графини ведь я так пока что. Она любит своих девушек брать.
Поедет назад — я домой уйду.

— Пошли бы, значит, за меня-то? В Рышкове наш дом хороший был, сами знаете... Одна невестка, братняя, это, жена... Ну и отец.

Вдруг остановился. О чем говорят? Ведь ничего этого нет...

— Но как, значит, теперь я пролетарий и эмигрант, то вы домой приехавши, за другого парня выдете...

— Никогда я вас, Петр Сидорович, не забуду, — сказала Анюта и заплакала.

— Нам уж не до того, — продолжал Петр жестоко. — Нам чужой хлеб теперь осталось есть, да и его нету... Куда пойдешь? Своих много, чересчур даже... Лихом не поминайте...

Анюта плакала.

— Что уж вы... Может, Бог даст...

— Бог даст? Чего там Бог даст? Может быть, и Бога-то никакого нету...

Анюта испугалась, и даже плакать перестала. Глядела на него серыми, простыми глазами.

— Как так нету? Бог-то, Он видит... Петр помолчал, насупившись.

— Видит, да не слышит. Правду говорили товарищи: врут все попы... А коли и не врут, так где Он, Бог-то? Здесь, что ли? Там Он у нас остался. Сюда не хватает.

— Петр Сидорович, — залепетала Анюта, хватая его за рукав. — Я вас никогда не забуду и не покину никогда... Вы не отчаивайтесь. Бог через добрых людей помогает. Что тут-то жить? Какое уж житье? Лучше, коли что, дома помирать... А здесь что?

Уж совсем весна пришла — и не заметили. Вверху где-то весна была, в небе, а камни не потеплели, все такие же. И люди все так же, одинаково, лились, переливались, ехали, звенели и шумели, все так же, не больше, хотя был праздник. Графиня сказала Анюте, что праздник, что Пасха. Анюта удивилась. Какая же это здешняя Пасха? Не похоже. Ничего нет.

И еще что-то сказала ей графиня, от чего у Анюты сердце захолонуло сначала радостью, а потом болью, и боль и радость вместе сплелись в непонимающей тоске.

Побежала к Петру на свиданье, ноги подкашивались.

Он опять голодный, неделю без работы, только дверцы автомобильные отворял, ну, просто сказать — подавание. Глаза так и блестят.

— Христос воскрес, — сказала Анюта нерешительно.

— Ах, это что Пасха ихняя? Так что? Уж эта мне Пасха! С голоду и так дохну...

— Они этого не понимают.

— Верно, не понимают. Чего с них спрашивать. Пошли, сели на лавочку. Тут тише. А Пасхи, действительно, никакой не было. Анюта вся дрожала, не знала, как сказать ему.

— Я уж и дни потерял, — начало Петр. — Наши-то праздники были ли, нет ли, не знаю... У нас служба хороша, ребята певчскими, я сам сколько раз...

Анюта набралась храбрости:

— Петр Сидорович! Я, конечно, многого понимать не могу, а только вы не осудите... Я вас так полюбила, что я теперь за вами всюду... У меня сердце на весь слезами исходит... Здесь не житье. Вот вы говорили — праздники. Нам-то Христос воскрес еще через две недели. Как нынче графиня сказала мне, чтоб собираться, что мы домой, в деревню, к праздникам поедем, — так уж я и не знаю... И рада-то я да и вас-то как же?..

— Вот оно что. Домой, значит, едете? В нашей Рышковской церкви заутреню стоять будете? Так... Ну, что ж, кланяйтесь нашим, не забывайте ваших. А мне, значит, в эту ихнюю Сену головой. Давно уж подумываю. Никуда все одно не податься.

Анюта и плакала, и за руки его хватала, молила:

— Да вы послушайте, послушайте...

— Чего послушать? До свиданьица. Вам своя доля, мне своя.

Но вдруг все удалство намученное с него слетело, губы распустились, глаза часто замигали, и сделался он весь простым глупым тамбовским парнем, серым земляным мужиком. Всхлипнул жалко и шмыгнул носом.

— Да как же, Аннушка? Что ж это? Едешь, значит? А я-то куды денусь? Только и было, что ты... Вправду, что ль, в воду мне?.. А грех-то?

Анюта повторяла:

— Грех, грех это...

— Я убег бы давно, коли б не ты... До границы б только добраться. А там хоть пропадай...

Ничего было не разобрать в его путаных словах, но Анюта все разобрала. И стали они говорить, и согласились понемногу. Почти и говорить было нечего.

— Я скрываться стану. А коли что — хуже не будет. До сердца уж дошло. Мне бы своих повидать. Хоть на праздники тайком доберусь. Здесь товарищи расскажут, как ловчее, потому я не знаю, а только денег много надо. Пожалуй, пятьдесят франков сразу надо.

У Анюты было зажитых сорок пять. Она их с собою принесла; вынула из платка, сует.

— Голубчик, люди добрые там помогут. И Бог-то на что? Мне не понять многого, а только беги ты отсюда. Где земля, там и Бог. А здесь нам не житье.

Хоть смерклось, и пустынно было в глухой улочке, но Анюта не смела его обнять, только глядела ему в глаза, такие родные, глупые и простые.

— Я ведь не худое что, — твердил Петр. — Ну, может, и возьмут. Мне, во-первых, на призыв идти, да это пустое. А то и в Сибирь... И Сибирь — земля русская... Здесь-то лучше, что ли?

— А я тебя нигде не покину, — сказала Анюта твердо. — Небось и в Сибири Христос-то воскрес.

Она обещала еще урваться, прийти к мосту. Но разойтись они долго не могли. Анюта обещала, как приедет, сбегать в Рышково, тайком поклон снести. Жив, мол, здоров, домой будет; а только помалкивайте, когда — неизвестно.

— Я ее, землю-то свою, увижу, а там что Бог пошлет, — говорил Петр. — Ты виду не показывай. Авось, живы будем.

Анюта утерла глаза и усмехнулась.

— Ну, прощай. Как только можешь — так и беги. Не жди. Письмо мне пришли откудова-нибудь. В заутреню в Рышкове будем — попомню тебя. Как запоют первый Христос воскрес, так с тобой похристосуюсь. Во второе, значит, воскресенье...

Он потянулся к ней — и они вдруг истово, трижды поцеловались.

Совсем стемнело. Кто-то мимо проходил, звонко и грубо стуча каблуками. Из темноты послышалась насмешливая и сочувственная фраза на чужом языке. Ну, разве они понимают? Разве у них воскрес Христос?

Анюта напрасно ждала у моста через несколько дней. Петр не приходил. Она испугалась было, но потом обрадовалась. «Заторопился, верно, — подумала она. — Убежал».

Через две недели Анюта, принаряженная, в розовом кашемировом платье, стояла в холодной, медленно согревающейся, рышковской церкви. Ждала. Тихо шелестя и вздыхая, собирался народ. Звездами загорались огоньки свечек. Собирались, толпились, ждали, все ждали. Знали, что воскреснет, вот сейчас воскреснет, и весь воздух в церкви притаился и ждал, а когда потянулись крестным ходом — Анюта увидела, что вся земля, холодная, едва оттаявшая, ждет, и звезды на черном небе чуть шевелятся, — и они ждут. Вот сейчас воскреснет, а когда воскреснет — неизвестно еще, что будет, может быть, все другое, все переменится и начнется радость...

Под розовым платьем у Анюты письмецо на груди. Маленькое, грязное, на сером клочке: «Анна Митрофановна, здравствуйте, и Христос воскрес, и воистину. Довожу до сведения, что я благополучно в городе Волочиске и отсюда еду вскорости. А что вы обещались, о том помню ежечасно и вообще в груди ношу. Кланяюсь земно вам и всему нашему дому, и Мишутке, а о чем обещались, помните. Известный вам». Подписи не было, но Анюте и не нужно. Бежал, значит! Давно. Может, здесь уж где-нибудь, близко. Помог Бог. Тут уж Он не оставит.

Дребезжащим, стареньким голоском запел при дверях храма седой батюшка: «Христос воскрес...» Горячие восковые капли падали со свечи на руки Анюте. Горячая, радостная муть застилала ей глаза. Все — близкие, все — родные, все — горькие, все радости ждущие, вечно верящие в обещание радости. Ждут темные люди, ждет темная земля...

«Христос воскрес».

Много дней прошло... Идут дни... Анюта помнит обещание. Где же Петр? Куда он девался?

Он приедет. Он где-нибудь совсем близко. Ведь он вернулся.

Или Бог ему не помог? Или Христос еще не воскрес?

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**